

Павел Александрович ШУВАЛОВ –
уроженец г.Петрозаводска (1954),
но – с ленинградскими корнями.
Школа и – трудовая жизнь: почтальон, слесарь,
грузчик, экспедитор, дворник...
Публикации в газетах, в коллективном сборнике
«Я волю дал любви...» (Москва, 1985),
неоднократно публиковался в журнале «Север».
Автор поэтического сборника «Смутный май».
Член Союза писателей России.

Павел ШУВАЛОВ
г. Петрозаводск

Не надо мне
ни почестей,
ни уршей...

9 МАЯ

Презирая торжественный слог,
встречу Май по возможности стоя.
В День Победы палить в потолок –
право русское, право святое.

По проспекту пройду не спеша,
вспомню старых друзей поименно...
Не замарана наша душа!
Не запятнаны наши знамена!

ТОСТ

При праздничном нашем салюте
воздам уваженье врагу:
да, немцы – хорошие люди,
но я их простить не могу!

Так выпьем за нашу Победу,
за нами свершенную Мечь,
которой как будто и нету,
которая все-таки есть!..

ПИЛОТКА

Кто он был – француз или лях?
Или наш солдат без звезды?.. –
Отчие могилы в полях
нынче сыновьям до балды.

Мол, самим дожить – абы как! –
век раскособоченный свой:
хворая синица в руках
лучше, чем журавль неживой...

До какой же, братцы, поры
всё не разогнемся с колен?..
Вот отбились от немчуры,
да сдались Америке в плен.

Или в душах нет ни на чох
правды – безо всяких прикрас?..
...Ты примерь пилотку, внучок, –
вдруг она тебе в самый раз?!

НАСТЯ

Ирине Иосифовне Алексеевой

Посреди многолюдного пира,
в День рождения свой, в выходной,
расскажи, попрошу, тетя Ира,
как была партизанской связной.
Не хочу ни закуски, ни водки...
Пусть примолкнет на миг молодежь...
Ведь такой героической тетки
в наше время нигде не найдешь!

В юном возрасте трудно признаться...
Ей, девчонке (смотри — не смотри),
в сорок первом — всего девятнадцать,
в сорок пятом — всего двадцать три!..
Память, память... Тревожить не надо...
Там застряло — на все времена —
ненавистное слово «блокада»,
ненавистное слово «война».

В ноябре сорок первого года,
в тяжелейшем, в таком непростом,
уходила в поля-огороды —
за капустным как будто листом.
Пробиралась местами глухими,
по задворкам, петляя следы...
И чужое придумано имя, —
ясно дело, на случай беды.

А кругом — ни приюта, ни крова.
Поразмыты дождями пути.
И до Парголова до второго

нелегко пешедралом дойти.
Холода. Холода и ненастья.
И от фрицев не стало житья...
Ленинградская девочка Настя —
это горькая юность твоя.

Смерть глядится из каждой воронки,
поминутно грозитя: «Убью!»
Но пора возвращаться к сестренке
в нежилую квартиру свою.
Ведь кому-то, наверное, надо
уберечь от погибели дом,
собирать на заводе снаряды
и тушить «зажигалки» потом...

Отгремят триумфальные марши
по вокзалам обеих столиц.
Летописцы парадные наши
про войну наплетут небылиц...
Сочинят-напридумают: танки,
громовое лихое «Ура!..»
А сегодня — вода из Фонтанки,
и к (живой еще!) маме пора.

Старых песен и фильмов военных
не гнушается новая власть,
президентских речей вдохновенных
дозволяет послушаться всласть:
мол, достойны и славы, и счастья,
и спокойного как бы бытья...

...Ленинградская девочка Настя —
тетя Ира родная моя!..

* * *

Не надо мне ни почестей, ни грóшей,
ни льгот, ни мяса жирного в борще, —
сегодня день стоит такой хороший,
что ничего не надобно вообще.

Сырая осень, время листопада,
а солнце светит — точно по весне.
Гори, гори, осенняя лампада,
на радость всем!.. Что ж, в том числе —
и мне!

* * *

Ишь, тебя угораздило эко:
тешь друзей да врагов беспокояй.
Ах, юродивый нового века!
Ну кому же ты нужен такой?

Закоулки родимого края...
Непролазные топи да грязь...
И мерцает звезда, догорая...
А другая — еще не зажглась.

ВНУЧКА*(лето 2007 года)*

Христос не ездит в «Мерседесе»
и не витает в облаках.
Пешком Он ходит по Одессе,
Маринку носит на руках.
Она взирает без опаски
на всех и вся — кругом и сплошь.
Ее сиятельные глазки
еще не замутила ложь.

Гуляют бабушки по рынку,
скупают сладости и соль.
Храни, Господь, мою Маринку,
ее обидеть не позволяй!
Храни ее зимой и летом —
мое родное существо!
И пусть она на свете этом
не обижает никого.

ЖУРАВЛИ

Журавли пролетают клином
над Россией едва живой.
В славном обществе журавлином,
знамо дело, порядок свой.

Собираются птицы в стаю,
тают в воздухе без следа...
— Улетаете? — Улетаю. —
(Лишь не знаю еще: куда?)

Дай вам Боже попутный ветер,
от погоды дурной спаси!
Мы вас всех, долгожданных, встретим
на весенней моей Руси.

Мир Господень стоит покуда:
лес, озера, холмы, поля...
Я еще на земле побуду —
до последнего журавля!

* * *

Шестьдесят неповторимый год.
Все в стране светло и образцово.
Песню распеваящий народ
на стихи безвестного Рубцова.

Имя ни о чем не говорит,
чуть фальшивят струны городские,
но слова, едрит ты ангидрит,
добрые, хорошие такие!

Ворочусь в теперешний дурдом,
в странные январские капели...
...Жизнь припоминается с трудом...
Неужели мы еще и пели?!

* * *

То картошка не **ро́дится**,
то посохнет трава,
а сей год Богородица
не дает Покрова.

Не с кем будет аукнуться
в Судный час на Руси...
Мать Божья, Заступница,
люди мой грешный спаси!

Под высокими кронами
все мы дети Твоя.
Колокольными звонами
не унять воронья.

Жизнь — куда уж свободнее! —
как сквозь пальцы вода...
Где ж ты, милость Господняя,
подевалась куда?

* * *

Выйду в лес. Сам себе поаукаю.
Полюбуюсь убранством златым.
И повеет внезапно скукою,
то ли дождь поползет, то ли дым.

Вот и кончились радости летние.
Время ехать в иные места.
Земляничные капли последние
соберу торопливо с куста.

Желторотая птица пугливая
защебечет незнамо чего,
и заплачет душа сиротливая
просто так, ни с того ни с сего.